

АЛЕКСАНДРА ШЕРВИНСКАЯ

"СЕРЕБРЯНОЕ"

НЕ ЗАХОДИ ЗА ЧЕРТУ

Серебряное

Александра Шервинская

"Серебряное". Не заходи за черту

«Автор»

2026

Шервинская А.

"Серебряное". Не заходи за черту / А. Шервинская — «Автор»,
2026 — (Серебряное)

Маски сброшены, и теперь трое ребят, волею судьбы оказавшиеся героями древнего пророчества, точно знают: кроме них самих им никто не поможет. Пансион «Серебряное» превратился в арену ожесточённой битвы за наследство мифического Повелителя Ночи. И теперь Лизе, Жене и Даше нужно как-то умудриться и артефакт добыть, и остальных ребят спасти, и с другими охотниками за сокровищем разобраться. Кого-то обмануть, с кем-то попытаться договориться, а кого-то попробовать уничтожить. Ведь никто из Трилистника не хочет закончить свою жизнь на жертвенном алтаре. Казалось бы, выхода нет, но ребят этот вариант совершенно не устраивает. Они просто обязаны выбраться из ловушки, а мы будем сопереживать и надеяться, что удача улыбнётся нашим героям. Завершающая книга трилогии "Серебряное".

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Александра Шервинская

"Серебряное". Не заходи за черту

Пролог

Луна осторожно высунулась из-за большой дымчато-серой тучи, за которой пряталась последние несколько часов, и неохотно осветила старые, покрытые плесенью мха стены. Складывалось впечатление, что она с огромным удовольствием вернулась бы обратно, в уютный покой большого мягкого облака, но работа есть работа.

Замок мрачной громадой высился в самом центре глухого леса, и было совершенно непонятно, кому вообще пришло в голову построить его в столь неподходящем месте. Ни дорог, ни деревень вокруг — только возведённые из огромных чёрных камней стены, зловещего вида башни и крепкие, покрытые непонятными знаками двери. Ни хозяйственных построек, ни двора, ни забора или замковой стены — ничего этого не было и в помине. Только замок и небольшое пространство вокруг него, на котором не росло ни единой травинки.

С одной из башен сорвалась крупная птица, кажущаяся в неверном лунном свете просто более плотным клочком мрака, и, тяжело взмахивая крыльями, полетела в глубь леса, подальше от места, которое вскоре просто перестанет существовать. Птице не хотелось исчезнуть вместе с замком, поэтому она изо всех сил спешила убраться как можно дальше. Давящее ощущение приближающегося конца задело всех, кому не повезло оказаться неподалёку, и любое хотя бы мало-мальски мыслящее существо старалось уползти, убежать или на худой конец просто зарыться в землю и пересидеть опасное время.

Поднялся ветер, и птице приходилось прикладывать невероятные усилия уже не для того, чтобы лететь вперёд, а для того, чтобы хоть как-то удерживаться на месте. Поняв, что удрать не получится, крылатая беглянка собрала остатки сил и, рванувшись в сторону, почти упала в густую крону ближайшего дерева, зарывшись в переплетение ветвей и слившись с окружающей темнотой.

Птица успела в последний момент: буквально через минуту после того, как ей удалось спрятаться в листве, прижавшись к шершавому стволу и распластав крылья, земля вздрогнула, а в окнах странного замка вспыхнул тревожный алый свет. Он ритмично пульсировал, то ускоряясь, то замедляясь, словно создавал некую, понятную только тому, кто его зажёл, мелодию.

Если бы кто-нибудь отважился пробраться сейчас в замок и спуститься в подвал, он увидел бы картину, которая никогда не изгладилась бы из его памяти и рано или поздно свела бы с ума.

В центре огромного помещения, стены которого были плотно покрыты странными узорами и древними письменами, возвышался алтарь. Ничем иным этот большой, правильной формы камень быть не мог. Возле него стояла высокая неподвижная фигура, закутанная в длинный плащ с капюшоном и словно сошедшая со страниц какой-нибудь жутковатой старинной легенды.

— И придут они, изгнанные из семей своих, и будет их трое, и будут они возрастом трижды пять и ещё два, и услышат они зов Знака, и отомкнут три по три замка, и вспыхнет он, окроплённый жертвенной кровью этих троих, и даст своему владельцу силу великую...

Голос говорившего то затихал, становясь почти неразличимым шёпотом, то гремел, заглушая свист ветра и скрип деревьев.

Выкрикнув какую-то непонятную длинную фразу, тот, кто стоял возле алтаря, сбросил плащ, и в рассеянном алом свечении стало возможным различить мощную нечеловеческую фигуру с крыльями и рогами.

Древний демон продолжал читать заклинания, и воздух в подвале постепенно густел, становился вязким, тягучим, как жидкая смола. Казалось, его можно потрогать руками, смять в комок или размазать по поверхности.

Закончив читать заклинание, демон снял с шеи висевший на цепочке камень, пульсирующий таким насыщенным тёмно-красным светом, что казалось, будто он до краёв наполнен кровью каких-то неведомых существ. А может, так оно и было...

Он медленно опустил полыхающий багровым амулет в центр алтаря, и тот плавно погрузился в камень, постепенно угасая и словно растворяясь в нём.

Демон устало опустил руки, тряхнул рогатой головой, то ли отгоняя ненужные сомнения, то ли просто сбрасывая напряжение, и решительно зашагал к лестнице, ведущей из подвала. По мере того, как он удалялся от алтаря, красный свет слабел, а потом и вовсе наступила абсолютная темнота.

Птица старалась полностью слиться с деревом, чтобы вышедшее из замка существо не заметило её, не услышало суматошного трепыхания маленького сердечка. Но ей повезло: демон слишком устал и слишком торопился для того, чтобы пристально просканировать окрестности на предмет ненужных свидетелей. Он всё время словно вслушивался во что-то, подвластное только ему.

Отойдя от замка на пару десятков шагов, он обернулся и выкрикнул фразу, от которой окружающее пространство, казалось, раскололось на сотни кусков и рассыпалось беспорядочной кучей обломков. Стены замка дрогнули, застонали и вдруг рухнули, сложившись внутрь наподобие карточного домика. Камень заскрежетал, рассыпаясь на более мелкие булыжники, которым суждено было превратиться в прах и впитаться в землю.

Демон наверняка мог видеть будущее, но и сильным колдунам порой суждено ошибаться: он не предугадал, что через много-много столетий, когда земля почти залечит раны, нанесённые всплеском чуждой магии, и существенно изменит свой облик, на этом месте остановится богатый экипаж с княжеским гербом на дверце.

— Посмотри, какой изумительный вид!

Молодой человек, выбравшийся из кареты, с восторгом смотрел на лес, зелёной волной сбегаящий в низину, где серебристой лентой прихотливо петляла река.

— Недурственно, согласен, ваше сиятельство, — согласился с ним пожилой мужчина, тоже впечатлённый какой-то прозрачной, удивительно гармоничной картиной.

— Мы построим здесь дом, — тоном, не терпящим возражений, проговорил молодой человек, — я хочу, чтобы моё родовое гнездо располагалось именно в этом месте. И я не желаю слышать никаких возражений, ясно?

— Как скажете, ваша светлость, — ответил пожилой, явно не испытывая восторга по поводу того, что это самое родовое гнездо ещё надо построить, а для этого доставить в жуткую глухомань строительные материалы и работников, а также обеспечить им более или менее сносные условия существования. Однако приказ есть приказ, и вскоре лес огласился стуком топоров и треском валящихся деревьев. А через два года усадьба, которую склонный к поэтическим метафорам хозяин, молодой князь Оленев, назвал «Серебряное», принимала первых гостей.

И никто даже предположить не мог, что усадьба построена на том самом месте, где когда-то демон, носящий громкий титул Повелителя Ночи, спрятал от потомков, оказавшихся слишком жадными до власти даже для демонов, свой нагрудный знак.

Могущественный артефакт был надёжно заперт в алтарном камне, и добраться до него могли лишь трое молодых людей, подходящих под условия, заложенные демоном. Шансы, что они соберутся в одном месте, были не просто минимальными, они были практически нулевыми.

Власть над миром — это тот приз, ради которого многие готовы пойти на всё, но магические вещи обладают порой своей волей и своими стремлениями. Вот и амулет стал потихоньку просыпаться, притягивая к себе, как магнитом, охотников за мировым господством или тех, кто по каким-то причинам считал древний артефакт своим.

Много лет прошло в безрезультатных попытках собрать под крышей «Серебряного» тех, кому суждено было отыскать и оживить нагрудный знак Повелителя Ночи. Но любое ожидание рано или поздно заканчивается...

Глава 1

За окном на какое-то время стало тихо, и я смогла хотя бы немного расслабиться, хотя, конечно, это слово не очень хорошо отражало моё нынешнее состояние. Наверное, правильное было бы сказать, что я смогла дышать чуть более свободно, чем всё время до этого. А если совсем честно — то вообще хоть как-то дышать.

С того момента, как мы вошли в здание пансиона и словно провалились в его мёртвую тишину, а потом увидели в окно демона и услышали жуткие вопли перекликающихся монстров, я словно бы и не дышала, застыв в состоянии какого-то анабиоза. Даже читала письмо Клео и с ребятами разговаривала словно не совсем я, а некая моя проекция, которая была в состоянии обсуждать хоть что-то. Почти уверена, что и с друзьями происходило примерно то же самое: уж слишком отстранённым был взгляд у Дашки и слишком спокойным был Женька.

Пустые коридоры, из которых мгновенно исчезли смех, голоса, улыбки... Мёртвый взгляд администратора Виктории, полный какого-то злобного предвкушения... Пустые гостиные, тёмные провалы дверей, в которые я не сунулась бы ни за какие сокровища... Крики монстров за окнами... Ну и для максимальной полноты ощущений — понимание того, что кроме нас троих в «Серебряном» из обычных живых людей не осталось никого. Нет, были ещё те, кто, как ни страшно произносить такие слова, был привезён сюда в качестве еды. Но мы не имели ни малейшего представления о том, где они находятся и можем ли мы чем-нибудь им помочь. И, как бы, может быть, эгоистично это ни звучало, но нам сначала нужно было понять, как уцелеть самим, а потом уже браться кого-то спасать.

Убедившись, что на какое-то время стало тихо, я огляделась: в призрачном лунном свете привычная комната казалась странно чужой, нереальной. Голубоватый свет показавшейся вдруг слишком яркой луны сделал лица друзей бледными, нездешними, почти не живыми. И мне вдруг стало так жутко, что я с огромным трудом удержалась от того, чтобы не заорать в голос, и наплевать на то, кто это мог услышать.

Не рискуя подниматься в полный рост, я на четвереньках шустро подползла к Дашке и схватила её за руку, которая, к моему невероятному облегчению, оказалась совершенно нормальной, живой и тёплой.

Видимо, не мне одной стало жутко, потому что подруга так же судорожно вцепилась в мою ладонь и с облегчением выдохнула.

Женька посмотрел на нас и тоже перебрался поближе. Я пристроилась ему под один бок, а Дарья — под другой, и парень крепко обнял нас за плечи. Ни о какой ревности я даже не думала: кто кого и как обнимает — это последнее, что могло меня сейчас интересовать.

— Что делать будем?

Самойлов рискнул озвучить вопрос, который наверняка беспокоил не только меня, но я, в отличие от Женьки, так и не набралась смелости произнести эти слова вслух.

— Если я правильно понимаю, то думать надо параллельно в двух направлениях, — начал рассуждать он, — во-первых, нам надо как-то выживать в этих странных условиях, а во-вторых, а записке Клео, точнее, в приписке к ней, содержится чёткая информация: нам помогут только в том случае, если мы уничтожим всех или почти всех претендентов на артефакт. Как по-другому трактовать фразу «убейте их всех, и я спасу ваши жизни», я не знаю. Если есть версии, готов выслушать.

— Утешает только то, что нас, по идее, не должны трогать до тех пор, пока мы не найдём и не активируем этот знак, чем бы он там ни был, — присоединилась к обсуждению Дарья, — но всё равно я пока плохо представляю, как мы будем существовать дальше. Допустим, жить мы можем здесь, у Лизхен, или у меня, но в нашей гостиной, а то у тебя там совсем страшно. Что-то мне подсказывает, что ты не захочешь обитать по соседству с Марком и Димоном.

— Это точно, — невесело хохотнул Женька, — соседство с вампиром — это точно не то, о чём я мечтал. Я не против, давайте устроим штаб-квартиру здесь. Но я бы предложил спать в одной комнате, а день проводить — в другой...

— Чтобы не чувствовать себя совсем как в тюрьме, — поддержала его я, и Дашка согласно кивнула.

— Тогда давайте лежбище устроим у меня, — предложила она, — а то, что ты назвал штаб-квартирой, — здесь. Степанцова в свою комнату вряд ли вернётся, Клео тем более, а вот насчёт Стеши не могу вообще ничего сказать. Мы ведь так и не знаем, кто она на самом деле.

— Раз она в нашей группе, значит, тоже из тех, кто охотится за артефактом, — нахмурился Самойлов, — но в какой она команде — пока непонятно. Опять же, если мы всё время будем здесь, то нам проще будет за ней наблюдать.

— А с едой что делать будем? — спросила Дарья. — С учётом ситуации вряд ли нам будут готовить. Мне кажется, необходимость в изображении нормальной жизни у организаторов всего этого мероприятия полностью отпала. Боюсь, что весь обслуживающий персонал присоединился либо к ребятам из второй группы, либо к охотникам.

— Предлагаю утром наведаться на кухню и посмотреть, что там к чему, — решительно проговорил Женька, — и там уже на месте решить, что и как. А сейчас давайте ещё раз проговорим, что мы знаем о наших противниках.

— Давайте, — одновременно кивнули мы с Дашкой, — только обобщай ты, у тебя лучше выходит.

— Ладно, — не стал спорить Самойлов, — как скажете. Значит, смотрите, что у нас получается... Есть жрица загадочной Лунной кошки, та, которая как бы Люся Степанцова, и её плохо управляемый слуга, любитель закусить ближним своим, известный нам как Димон. Это группа товарищей номер раз.

— Вот слушаю тебя, — прошептала Дашка, — понимаю, что сама это видела, но всё равно не верю! Прости, я не хотела тебя перебивать, Жень.

— Понимаю тебя, сам что-то похожее чувствую, — успокоил её Самойлов и продолжил, — есть вампир Марк, у которого есть некая служанка, фигура для нас пока неизвестная. При этом нельзя быть на сто процентов уверенными, что наш блондинчик больше никого не обратил. Эти его байки про вечную жизнь и прочие ништяки на кого-то могут произвести сильное впечатление. Это группа за номером два.

— Дурдом... — я покачала головой, — и ведь никуда от него не денешься.

— В группе номер три у нас числятся представители аборигенов в лице Филиппа Батаева и Геры Шилова, и на данный момент они представляются мне самыми вменяемыми, если это слово применимо хоть к кому-то из находящихся здесь, в «Серебряном».

— Ну да, с этим у нас тут напряжённо, — согласились мы с Дашкой, переглянувшись.

— Верхнюю строчку нашего хит-парада занимает наследник Повелителя Ночи, чтоб ему икалось.

— Кому? — зачем-то уточнила Дашка. — Наследнику или Повелителю?

— Обоим, — подумав, махнул рукой Самойлов, — к тому же у наследника тоже наверняка есть группа поддержки, но мы даже приблизительно не представляем, кто в неё входит, и это существенно усложняет дело. В любом случае они компания с порядковым номером четыре.

— Кроме них есть призраки, те, которые Хранители, — добавила я, — и за каким-то бесом оживлённая ими Золотницкая.

— И ещё куча персонала, о котором мы вообще ничего не знаем, — вздохнула Дашка, — это мы с ребятами худо-бедно разобрались, а вот со взрослыми полная засада.

— Не забывайте о Клео с Киром, точнее, тем, кто прячется под его маской, — добавил Женька, — и Вяземскую, от которой вообще непонятно, чего ждать.

— Только мне хочется взвыть от отчаяния? — помолчав, спросила я, не глядя на друзей, придавленная мрачными перспективами. Почему-то, стоило Женьке собрать всё вместе и озвучить, как у меня улетучились даже те крохи оптимизма, которые ещё оставались.

— Не надо, — Женька чмокнул меня в макушку, — иначе ты станешь похожа на Степанцову, она тоже выть умеет наверняка. Всё не так плохо, Лизхен. Вот если бы мы были им не нужны, вот тогда я за наши жизни не дал бы даже ломаного гроша. А так им без Трилистника никуда, поэтому они вынуждены нас не трогать.

— Ребят, давайте трезво смотреть на вещи, — Дашка отлепилась от Самойлова и села напротив нас, — спасти нас может только Повелитель. Значит, мы должны выполнить его условие или хотя бы попытаться это сделать, чтобы к нам не было претензий, понимаете?

— То есть убить тех, кто претендует на то, чтобы прибрать к рукам его наследство? И как ты себе это представляешь?

— Пока никак, — невозмутимо ответила Дашка, — но то, что они сами себя не прикончат, в этом я как-то не сомневаюсь. Значит, нужно думать, как выполнить условие Повелителя и не погубить при этом себя.

Какое-то время в комнате было очень тихо, так, что слышно было, как где-то далеко поскрипывает не то окно, не то дверь.

— Правильно ли я понимаю, — негромко откашлявшись, проговорил Женька, — что для нас не стоит вопрос «да» или «нет». Нам нужно решить, кого, как и в каком порядке, так?

— У кого-нибудь есть другие варианты?

Альтернативных предложений ни у кого не оказалось, но не потому что мы плохо думали, а потому что другого выхода, судя по всему, нам просто не оставили.

— С кого начнём?

Мы переглянулись, но ответа ни у кого из нас троих не было: ну вот как-то не доводилось нам раньше никого убивать. Дашка не в счёт, там совершенно иная ситуация была.

— Предлагаю для начала дожидаться утра, — предложила я, малодушно откладывая принятие решения на потом, — не знаю, как у вас, а у меня голова вообще не работает. Денёк был зашибись просто, так что я пас. Мне бы умыться и упасть на какую-нибудь горизонтальную поверхность. Можно даже без подушки и одеяла, хотя, конечно, лучше всё-таки с ними. Даш, мы решили ночевать у тебя?

— Да вроде, — кивнула подруга, с некоторым трудом поднимаясь на ноги, — да, ты однозначно права, Лизхен. Серьёзные решения надо принимать на свежую голову, чтобы потом не жалеть. Пока ты не сказала, я даже не подозревала, как сильно устала.

Я молча взяла подушку, одеяло, стянула с кровати простыню, а с дивана прихватила плед и сгрузила всё это добро на Самойлова.

— Идём?

Скажу честно: открывая дверь, я была морально готова почти ко всему. Меня уже совершенно не удивило бы наличие в гостиной всех заинтересованных лиц, но, к счастью, там никого не было. Дашка извлекла из кармана джинсов карточку и открыла дверь.

— Страшновато как-то, — шепнула она, но мужественно шагнула в комнату.

Мы с Женькой подождали немного и двинулась за ней, здраво рассудив, что в случае чего без шума не обошлось бы.

— Свет не будем включать? — тоже шёпотом осведомился Женька.

— Я бы не стала, — ответила Дарья, — того, что проникает с улицы, хватает, чтобы не навернуться и не сломать себе что-нибудь, а большего пока и не требуется, мне кажется. Думаю, разумно будет поступить так: мы с Лизхен спокойно поместимся на кровати вдвоём, а ты ляжешь на диване.

— Отлично, — согласился Женька, сгружая свою ношу на кровать, — чего ж оно тяжёлое-то такое?

— Это не оно тяжёлое, это ты устал, — хмыкнула Дашка, — всё, ребята, давайте укладываться. Самойлов, стели себе на диване, а мы пока по очереди по-быстрому в душ. Потом ты, ладно?

— Мне уже практически всё равно, — отмахнулся Женька, застилая диван простынёй и сооружая себе вполне пристойное спальное место. — Я тоже не понимал, насколько устал, пока не увидел подушку.

Дашка на правах хозяйки первой нырнула в ванную, и мы с Самойловым остались на какое-то время вдвоём. Было очень странно: с одной стороны, хотелось сказать друг другу очень много, а с другой — всё и без слов было понятно. Поэтому Женька просто молча подошёл и обнял меня, словно пытаясь защитить от всех невзгод этого странного места. Он не убеждал меня, что всё будет хорошо, что мы непременно справимся. Он просто был рядом.

— Хорош обниматься, — послышался шёпот, и, отлепившись от Женьки, я увидела подругу, которая, уже переодетая в пижаму, протягивала мне полотенце и какие-то вещи. — Это моя пижама, она чистая и тебе, по идее, подойдёт.

— А для меня у тебя ничего нет? — хихикнул Женька, отпуская меня.

— Могу предложить ночнушку, — фыркнула Дашка, — в зайчиках такая, мимимишная. Примеришь?

— Кстати, прекрасно решение: я выйду в таком виде, и наши враги сами помрут от хохота, — предложил Женька, — как вам идея?

— Креативно, — согласилась Дарья, но их дальнейшей шутливой перебранки я не слышала, так как ушла в ванную и с наслаждением забралась под горячие струи душа.

Натянув пижаму и кое-как подсушив волосы полотенцем, я уступила место в ванной Самойлову, а сама забралась под одеяло на кровати.

Я даже не помнила, как вернулся из ванной Женька, так как отключилась практически сразу, как только голова коснулась подушки.

Глава 2

Проснувшись, я какое-то время лежала, не шевелясь и отчаянно надеясь на то, что сейчас я открою глаза и обнаружу, что весь этот кошмар мне просто-напросто приснился. Я посмеюсь над таким затейливым сном, расскажу о нём Дашке и Женьке, мы вместе поудивляемся прихотливым извивам человеческой психики и отправимся завтракать, а потом на занятия. И будет нам всем, как говорится, счастье.

Я даже согласна на три урока алгебры, в которой ничего не смыслю, пусть только оно всё будет по-старому!

Глубоко вздохнув, я приоткрыла один глаз и тут же закрыла его снова: просыпаться окончательно расхотелось. Я лежала на кровати в комнате Дарьи, значит, всё, что произошло вчера — правда. Осторожно повернув голову, я увидела на соседней подушке лохматую рыжую голову и окончательно распрощалась с мечтами.

— Лизхен, ты спишь?

Сонный голос Самойлова раздавался откуда-то со стороны окна, и я вспомнила, что Женька спал на диване. Воспоминания о том, как он устраивался там, расстилая постельное бельё и выбирая диванную подушку помягче, словно проступали сквозь какую-то муть или дымку. Видимо, вчера к ночи мы настолько вымотались и морально, и физически, что сил едва хватило на то, чтобы запечатлеть в памяти отдельные разрозненные факты и действия.

— Скорее, нет, чем да, — зевнула я, потягиваясь и садясь на кровати, — на улице светло уже, значит, часов восемь точно, а то и больше. Даш, а чего у тебя на стене часов нет?

— Они тикали и меня жутко раздражали, — подруга тоже выбралась из-под одеяла и теперь пыталась распутать волосы, — вот почему меня никто вчера не заставил их разобрать и заплести на ночь? Теперь фиг расчешешь, половина вырвется.

— Я помогу, — утешила я Дарью, — давай расчёску, сейчас всё сделаем, не переживай.

— Предлагаю умыться, привести себя в порядок и пойти в сторону столовой, — Женька уже встал, натянул джинсы и теперь старательно складывал постельное бельё. — Сколько бы нам тут времени ни пришлось провести, жрать-то что-то надо. А там, глядишь, попутно и другие какие новости узнаем...

— Вот как-то я не очень уверена, что хочу эти новости знать, — поёжилась Дашка, и я была с ней полностью солидарна, — но понимаю, что мои желания никого не интересуют, да и ваши тоже.

— Боюсь, что так и есть, — со вздохом согласился Самойлов, аккуратно убирая бельё в шкаф, — но тут от нас уже ничего не зависит, так что будем работать с тем, что есть. Мы живы, у нас есть цель, значит, мы победим. Звучит так себе, понимаю, но так уж сложилось, девчонки.

— Молодец, Женька, — неожиданно похвалила его Дарья, — правильный подход, а то чего-то мы разнылись.

Слегка взбодрившись, мы быстро оделись, и я осторожно выглянула в гостиную: ну а вдруг там кто-нибудь появился. Но мои страхи оказались напрасными, и в общей комнате никого не было. Более того, в ней появился тот едва уловимый дух пустоты, который мгновенно появляется в любом доме или квартире, когда оттуда уезжают жильцы. Вот вроде и мебель на местах, и чашки на кухне в сушилке стоят, даже в вазе букет ещё не завял — а всё равно, возникает невнятное чувство брошенности, запустения. Вот и в нашей гостиной за вчерашний вечер возникла эта аура пустоты.

Закрытые двери, аккуратно разложенные на диване подушки, алые розы в высокой вазе, расположившиеся ровным строем одинаковые кофейные чашки... Всё привычное, но какое-то не настоящее, что ли... невозможно объяснить...

— Как-то тут тоскливо стало, не считаете?

Негромкий голос Дашки заставил меня вздрогнуть. Вот очень верное слово она подобрала: в гостиной стало именно что тоскливо, словно кто-то вытянул, выпил всю радость, все светлые эмоции, которые тут были. А ведь они совершенно точно были!

— Ой, девочки, доброе утро! Самойлов, а ты чего тут с утра пораньше?

Раздавшийся за спиной бодрый голос заставил нас с Дашкой подпрыгнуть, а Женьку — вполголоса матюгнуться.

Я резко развернулась и с каким-то суеверным ужасом уставилась на стоящую в дверях своей комнаты и безмятежно улыбающуюся нам Степанцову. Она выглядела абсолютно так же, как и всегда: короткая клетчатая юбка, белая блузка, носочки, скетчерсы, косички...

— Эээээ...

Это мычание оказалось единственным, что я смогла из себя выдавить. Дашка вообще молчала и только глазами хлопала.

— А вы почему на завтрак не ходили? — по-прежнему делая вид, что ничего не случилось, спросила Люся. — Мы как раз удивлялись, что вас нет. Но если поспешите, то ещё успеете. Только не задерживайтесь! Первым уроком, если вы помните, физика, а Филипп не любит, когда опаздывают. Ты же староста, Самойлов, должен следить за дисциплиной!

— То есть уроки будут?

Женька, как и положено мужчине, первым взял себя в руки и даже смог более или менее внятно сформулировать вопрос. Мы же с Дашкой продолжали успешно изображать памятники самим себе.

— А как же!

В карих глазах Степанцовой на мгновение мелькнула насмешка, но тут же сменилась привычным восторженным выражением.

— Тогда нам, наверное, стоит поторопиться, — наконец-то выдавила из себя я, — а то до обеда ещё далеко. Кстати, а кафе работает? Ты не видела?

— А почему оно не должно работать? — насмешка в глазах той, что пряталась сейчас в Степанцовой, стала заметнее. — Конечно, с отъездом второй группы посетителей станет меньше, но, насколько я поняла, было принято решение кафе не закрывать.

— Отъездом? — чувствуя, что перестаю вообще что-либо понимать, переспросила я. Однажды я видела, как в руках человека расползается старая ткань: она словно рассыпается, превращаясь в тлен, пыль, в прошлое. Вот и мой мир сейчас точно так же расползлся, теряя целостность и превращаясь в одну сплошную дыру. То есть отдельные какие-то нити-фрагменты были, а целого не получалось.

— Ну да, — Люся повернулась и явно собиралась закрыть дверь, — они уехали, вот прямо всей группой, представляете? Одна Золотницкая осталась, но это отдельная история.

— А куда, не знаешь? — отмерла Дашка.

— Нет, мне это было неинтересно, — тут Степанцова нам подмигнула и скрылась в своей комнате.

— Ущипните меня, — негромко попросила Дарья, и исполнительный Самойлов тут же выполнил её просьбу. Подругу ойкнула и поморщилась, потирая покрасневшую руку.

— Чего? Ты сама попросила, — возмутился Женька, — так что не жалуйся.

— Значит, не сон... — разочарованно вздохнула Дашка, — а жаль. Я вроде более или менее уложила все вчерашние события в голове, но Люся, ведущая себя так, словно ничего не случилось, в мою новую картину мира не вписывается, вот вообще никак!

Я только пожала плечами, так как ну а что тут скажешь-то? Только мы всё более или менее определили для себя: живём в условиях, приближённых к боевым, а тут снова окружающий мир с ног на голову перевернулся.

Получается, что «Серебряное» будет жить и работать так же, как раньше, только все будут знать, кто есть кто?! Но это же невозможно! Я не смогу сидеть в одном классе с Марком,

зная, что он вампир. Или смогу? Я ведь и раньше знала, но как-то справлялась с этим. И про Степанцову знала... Тогда вопрос: что изменилось? Наверное, только то, что всё стало честнее, что ли. Вот они мы, Трилистник, а вот все те, кто ждёт, пока артефакт нас позовёт, чтобы успеть первым. Охотники и наживка...

Я посмотрела на молчащих друзей и по задумчивым лицам поняла, что они думают примерно о том же самом.

Тут в коридоре послышались шаги, и мы невольно сделали шаг друг к другу, словно это могло как-то защитить нас от очередных новостей и сюрпризов. Дверь распахнулась, и в гостиную впорхнула Стеша.

— Да твою ж... — шёпотом выругался Самойлов.

— Привет, Стеша, — неожиданно бодрым голосом поздоровалась Дарья, — ты уже позавтракала? А чего нас не позвала?

— Привет, — невозмутимо кивнула Вяземская и спокойно объяснила, — так я стукнулась к Лизхен, а там никого не оказалось, вот я и решила, что вы уже в столовой. А оказывается, вы просто в другой комнате были... Но там ещё всё горячее, так что если поспешите, то успеете нормально позавтракать. А ты у нас тут поселился?

Стеша посмотрела на Женьку, и в её глазах я заметила настороженную неприязнь, чего раньше никогда не было. Вяземская всегда относилась к нему нормально, даже с симпатией. Интересно, с чего вдруг такие перемены?

— Нет, я просто за девчонками зашёл, — лучезарно улыбаясь, сообщил Самойлов, — соскучился за ночь.

— Ну-ну, — хмыкнула Стеша и ушла в свою комнату, не сказав нам больше ни слова.

— Ничего не понимаю, — выдал Женька, копируя интонацию героя мультфильма о братьях Колобках, на что я ответила фразой оттуда же:

— Аналогично!

Дашка хихикнула, и это слегка разрядило обстановку, хотя ситуацию не слишком прояснило.

— Не вижу других вариантов кроме как пойти в столовую, — вздохнул Самойлов, — стоя тут, мы вряд ли узнаем что-нибудь важное или хотя бы просто новое.

— И ведь не поспоришь, — кивнула Дашка, направляясь к выходу из гостиной. — Лизхен, идём, чего ты встала там?

— Даш, а у тебя оружие какое-нибудь есть?

Я вдруг почувствовала, что мне было бы намного спокойнее, если бы у меня в кармане было что-нибудь этакое: пистолет, нож или нечто подобное. И не важно, что я не умею этим всем пользоваться! Всё равно было бы как-то легче.

— Лизхен, — подруга подошла и обняла меня, — ты же понимаешь, что это самообман? Чтобы носить с собой оружие, им надо уметь пользоваться, иначе от него помощи будет ноль, только сама себя поранишь. А ведь говорила я, что надо заниматься и готовиться, а вы меня не слушали. Но ничего, лучше поздно, чем никогда. Сегодня и начнём, если ничего экстраординарного не случится.

— Я с вами, — тут же заявил Самойлов, — кулаками я махать умею, а вот с ножом — нет. Как-то не было необходимости, всё же я был мальчиком из приличной семьи. В любом случае, сначала завтрак, во время которого может появиться хоть какая-то ясность.

— Оптимист он у нас, — доверительно шепнула мне Дашка, — но лучше так, честно.

В итоге мы таки заставили себя выйти из гостиной в коридор, где ещё раз убедились: все дружно решили делать вид, что вчера ничего такого не произошло. Из гостиной мальчишек доносился разговор, и, прислушавшись, мы узнали голоса Марка и Геры. Конкуренты в борьбе за наследие Повелителя спокойно обсуждали не то фильм, не то компьютерную игру, не демонстрируя ни малейшей враждебности. Единственным, что выбивалось из привычной

картины, были закрытые двери двух гостиных, в которых раньше обитали девчонки и парни из второй группы. Хотя Степанцова вроде бы сказала, что Золотницкая осталась... Интересно, она будет одна в целом комплексе жить? Впрочем, можно к гадалке не ходить: её переселят к нам, в комнату Клео. Ну или я очень сильно ошибаюсь...

Пройдя через вестибюль, мы могли убедиться в том, что в «Серебряном» всё по-старому: за стойкой администратора была Виктория, что-то обсуждавшая с Верой Борисовной, в закутке охранника светились мониторы, во дворе сутились рабочие. Они сгребали в кучи осенние листья, потом грузили их в большие тачки и увозили куда-то за здание.

— Слушайте, может, у нас вчера был коллективный глюк?

Женька озвучил мысль, которая преследовала меня последние несколько минут, уж слишком всё вокруг было привычным и никак не монтировалось с событиями вчерашнего вечера и ночным рёвом монстров.

— Настолько продолжительный и, главное, одинаковый? Как говорится, с ума поодиночке сходят, — с сомнением ответила Дарья, — хотя это было бы самое замечательное объяснение из всех возможных. Только, боюсь, нам оно не светит...

Когда мы подходили к столовой, оттуда вышел Аристарх Филиппович, учитель общественного и истории, и приветливо помахал нам рукой.

— Блин, дурдом какой-то, — простила подруга, и я была с ней полностью согласна. Как есть дурдом, да ещё какой! Эксклюзивный, можно сказать.

— Интересно, он тут сам по себе или тоже с каким-то тайным интересом? — зачем-то спросил Женька, глядя на добродушного преподавателя, который явно пребывал в прекрасном настроении. — Вдруг тут и обычные люди есть? Ну, так сказать, для массовости и отвлечения внимания. И они даже представления не имеют о том, что тут вообще происходит.

— Звучит маловероятно, — я вздохнула, — хотя очень хотелось бы верить в то, что вокруг не только монстры, чего уж там.

В столовой из учащихся никого уже не было, но на раздаче ещё было достаточно много еды — ещё бы, второй-то группы нет — и мы взяли себе нормальный завтрак.

— Что бы дальше ни происходило, нельзя пренебрегать возможностью как следует поесть, — нравоучительно сказал Самойлов, вгрызаясь в бутерброд. — Всё настолько непредсказуемо, что...

Как ни странно, мы достаточно спокойно позавтракали и уже собирались в кафе, когда по громкой связи раздалось: «Воспитанники Морозова, Котлакова, Самойлов, вас приглашают к директору. Повторяю. Воспитанники Морозова, Котлакова и Самойлов! Вас ожидает Иван Дмитриевич!»

Глава 3

— Трындец котёнку, — философски вздохнул Женька, прослушав сообщение, — чувствую, сейчас мы с вами узнаем очень много интересного о нашем ближайшем и отдалённом будущем. И что-то подсказывает мне, что оно нам не очень понравится.

— Зачем он нас зовёт? — Дашка нервно побарабанила пальцами по столу. — Познакомиться ещё раз? Только уже по-настоящему? Типа: здравствуй, Трилистник, я наследник Повелителя, очень приятно!

Я представила себе эту картинку и невольно фыркнула, несмотря на серьёзность и непредсказуемость ситуации.

— Идти всё равно надо, игнорировать подобное приглашение совершенно точно не получится, — сказала я, поднимаясь из-за стола. — Подождите меня...

Сказав это, я решительно направилась в сторону столика, за которым завтракали Филипп Батаев и Валерия Викторовна, преподаватель английского и куратор второй группы. Интересно, она знала, что все её воспитанники предназначены на убой? Если да, то кем же нужно быть, чтобы преспокойно общаться с ними, улыбаться, шутить?

— Филипп Юрьевич, — обратилась я к невозмутимому Батаеву, — нас вызывает Иван Дмитриевич, так что мы можем опоздать на урок.

— Да, Лиза, я слышал, — доброжелательно улыбнулся он, — ничего страшного, в начале урока ничего особо интересного не будет. Надеюсь, директор не задержит вас надолго, и к новой теме вы уже появитесь.

— Спасибо, мы постараемся, — я постаралась улыбнуться как можно беззаботнее. Наверное, у меня даже получилось, потому что Филипп одобрительно усмехнулся.

— Правильно, Лизхен, — шепнул Женька, когда я присоединилась к ним с Дарьей, — раз все так старательно делают вид, что всё в порядке и ничего не произошло, мы можем только подыграть, без вариантов. Нет, так-то, конечно, можно побегать и поорать типа «мы знаем, что вы все монстры!», только смысла нет.

Мы вышли из столовой, провожаемые внимательными, но не враждебными взглядами немногочисленных преподавателей, которые ещё не закончили завтрак.

Путь до директорского кабинета оказался до обидного коротким, но тут уж ничего не поделаешь. Остановившись возле двери, мы переглянулись, и Женька, глубоко вдохнув, постучал, а Дашка неожиданно перекрестилась и нас перекрестила. Я только молча благодарно кивнула: хуже-то точно не будет.

— Заходите, — раздался знакомый голос, — открыто.

Мы переглянулись и вошли, причём у меня было ощущение, что мы добровольно отправляемся в пасть к голодному хищнику.

В кабинете Оленева было солнечно и ярко, хотя я подсознательно ждала чего-то иного. Как и в прошлый раз, мне сразу стало тяжело на сердце, стояло массивной двери закрыться за спиной.

Директор сидел за своим рабочим столом и что-то, как всегда, быстро печатал.

— Присаживайтесь, ребята, я скоро освобожусь, — он гостеприимно махнул рукой в сторону большого дивана, на котором мы и устроились. Женька в центре, а мы с Дашкой по бокам. В кабинете по сравнению с двумя моими прошлыми визитами ничего не изменилось, хотя, если поразмыслить, то чему меняться-то? Это для нас мир вывернулся наизнанку, а для владельца кабинета практически ничего не изменилось.

— Спасибо, что подождали, — Иван Дмитриевич захлопнул ноутбук и внимательно посмотрел на нас, откинувшись на спинку кресла. — Вы, наверное, догадываетесь, для чего я вас пригласил.

— Скажем так, у нас есть версии, — осторожно ответил Самойлов, которому мы заранее предоставили право говорить от нашего имени, — но, конечно, хотелось бы услышать о причине от вас.

— Вчера произошло много событий, — помолчав, неспешно начал говорить директор, — что-то случилось вовремя, что-то раньше предполагаемого срока, а что-то и вообще не было запланировано. В любом случае, как мне кажется, пришло время открыть карты, вы согласны со мной?

— Было бы неплохо, — кивнул Женька, — даже интересно, всё ли, о чём мы догадались, соответствует действительности.

— Да, это любопытно будет узнать, — по-прежнему доброжелательно сказал директор, — ну что же, начнём, наверное, с тех причин, которые привели вас сюда, в «Серебряное». Вы наверняка уже поняли, что именно из вас троих состоит тот самый Трилистник, который так необходим всем собравшимся под этой крышей.

— Да, мы догадались, — кивнул Женька, — а если бы и не сообразили, то нам подсказали бы.

— Древнее пророчество гласит, что только Трилистнику под силу почувствовать и отыскать нагрудный знак Повелителя Ночи. Таковы условия, заложенные им при сокрытии артефакта, и не спрашивайте меня, почему всё именно так, я просто не знаю. Это было слишком давно.

— Как он хоть выглядит-то, этот знак, — проворчала Дашка, — а то так можно до бесконечности искать и ждать.

— Легенды описывают его как большой камень, наполненный жертвенной кровью, — если Оленев и рассердился за то, что его перебили, но виду не показал, — и он находится внутри алтаря, который пока никому не удалось отыскать. Это может сделать только Трилистник.

— А как можно наполнить камень? — тут уже я не выдержала и вмешалась в разговор. Ну а что? Нормально же вроде беседуем, спокойно, я бы сказала, конструктивно.

— Это, опять же, вопрос не ко мне, Лиза, — улыбнулся директор, — я знаю только, что алтарь здесь, на территории «Серебряного», где-то в усадьбе, ведь она построена на месте, где когда-то стоял замок Повелителя Ночи.

— Его изгнали, да? — Дашка хлопала глазами и старательно прикидывалась наивной простушкой.

— Предания говорят по-разному, — как ни странно, директор отвечал на вопросы достаточно охотно, — в каких-то говорится, что Оленевы построили свою усадьбу на пустоши, где когда-то стоял замок. В других утверждается, что самый первый князь Оленев победил Повелителя и изгнал его, хотя эта версия представляется мне сомнительной: среди Оленевых никогда не было колдунов, даже слабых. А чтобы справиться с демоном такого уровня, как Повелитель Ночи, нужно быть очень сильным магом, можно сказать, одним из сильнейших. И даже в этом случае я бы поставил на Повелителя.

Я слушала, как легко, подчёркнуто небрежно директор произносит слова «демон», «маги», и понимала: он не боится быть откровенным с нами, потому что уверен в том, что его тайна останется таковой. Мёртвые не разговаривают, а мы для него уже были почти покойниками. Это как убийца начинает исповедоваться жертве, так как и секрет хранить больше сил нет, и в то же время нет опасности быть разоблачённым. Вот он и вываливает на невольного слушателя всю свою биографию, начиная с детских обид и заканчивая проблемами сегодняшнего дня.

— Впрочем, это уже не имеет принципиального значения, — неожиданно остановил сам себя Иван Дмитриевич, — вы здесь, и это главное. Значит, час, когда пророчество сбудется, близок. Артефакт позовёт вас, но никто не может вам сказать, как именно это произойдёт.

Может быть, вы услышите голос, который скажет, куда идти, может быть, вы просто почувствуете, что вас, словно магнитом, тянет в то или иное место. Ни в одной летописи не сохранилось упоминаний о том, как это в действительности происходит.

— Ну так ясное дело, — хмыкнула Дашка, — рассказать-то некому было, я так понимаю.

— Да, ты права, Даша, — ничуть не смутившись, кивнул Оленев, — но я хотел сказать следующее: я очень надеюсь, что у вас хватит благоразумия для того, чтобы поставить в известность о том, что артефакт позвал вас, именно меня. Вы же не думаете, будто я не в курсе, что в «Серебряном» есть другие желающие получить артефакт?

— Кстати, а почему вы позволили им сюда попасть? — спросил Женька. — Разве не проще было просто заманить сюда Трилистник, то есть нас, и ждать себе спокойно?

— Увы, мой юный друг, есть определённые законы, которые не обойти при всём желании, — Оленев, казалось, совсем не был удивлён вопросом, — миры многогранны, и существуют по своим тысячелетия назад установленным правилам. Любой мощный артефакт всегда является объектом свободного поиска и достанется тому, кто первым сможет подчинить его себе. Поэтому, если бы я перекрыл пусть сюда остальным... соискателям, артефакт просто никогда не откликнулся бы.

— Несмотря на наличие Трилистника? — уточнила я.

— Совершенно верно, — поморщился директор, который явно был не в восторге от такого количества ограничений и требований. — И что, вы уже выяснили, кто есть кто?

Он посмотрел на нас с искренним интересом, мол, ну-ка, человечки, удивите меня.

— Конечно, — продолжил Женька, — помимо вас есть три заинтересованные силы, и они тоже вчера перестали скрываться, да вы это и сами прекрасно знаете.

— Че... — начала было Дашка, но я вовремя с силой наступила ей на ногу, и подруга замолкла на половине слова.

— Ты что-то хотела сказать, Даша?

Директор впился в неё взглядом, словно пытался прочесть мысли. Надеюсь, этого он всё-таки не умеет, иначе вообще засада.

— Я хотела сказать, что чего уж теперь прятаться-то, — выкрутилась подруга, и я мысленно выдохнула. Ясно же, что Оленев не в курсе насчёт того, что Повелитель Ночи жив-здоров и с интересом наблюдает за тем, как различные силы пытаются отыскать его нагрудный знак. Устроил себе чемпионат по боям без правил для одного зрителя, понимаешь ли... И уж тем более наследничек не знает, что Повелитель пообещал сохранить нам жизнь, если мы выполним определённые условия. А вот мне интересно, когда он написал, что мы должны уничтожить всех, наследник в это «все» тоже входил? Наверное, да, в противном случае Повелитель оговорил бы этот момент, написав, «всех, кроме...», а он этого не сделал.

— Согласен с тобой, — кивнул директор, вроде как успокоившись, — и хочу ещё раз повторить своё требование, точнее, свою просьбу. Как только вы почувствуете зов знака, вы сразу мне об этом скажете.

Ага, просьбу... как же!

— Мы слышали вас, Иван Дмитриевич, — спокойно ответил Женька, — но у нас есть вопрос, я бы назвал его принципиальным.

— Излагай, — махнул рукой директор.

— Все так старательно делают вид, что ничего не произошло, — начал Самойлов, тщательно подбирая слова, — то есть жизнь в «Серебряном» будет протекать так же, как и раньше? Уроки, досуг, все дела... Или условия игры изменились, и нам лучше об этом знать?

— И снова вы меня не разочаровали, — хмыкнул Оленев, — это очень правильный вопрос. Да, жизнь в пансионе будет идти в прежнем режиме, но, — тут он сделал театральную паузу, стараясь, видимо, усилить эффект последующих слов, — только днём. С наступлением темноты прежние ограничения теряют силу.

— Зашибись! — потрясённо выдохнула Дашка. — То есть днём всё прекрасно, а по ночам «Серебряное» превращается в... монстрятник?!

— Во что превращается? — удивлённо переспросил директор.

— Ну... — Дашка слегка смутилась, — по аналогии: куры — курятник, кенгуру — кенгурятник, монстры — монстрятник...

— Мне казалось всегда, что кенгурятник — это что-то другое, — с сомнением возразил Иван Дмитриевич, — это такая металлическая штукавина для защиты радиатора и фар. Разве нет?

— Может быть, — не стала с ним спорить Дарья, — но я просто не знаю, как по-другому назвать место, где живут монстры, а у нас тут именно оно и образовалось.

— Я тоже не знаю, — подумав, пожал плечами Оленев, — так что пусть будет этот, как ты его назвала...

— Монстрятник, — любезно подсказал Самойлов, который, как мне показалось, с трудом сдерживал истеричный хохот, — то есть в темноте нам лучше не высовываться, я правильно понимаю?

— Ну почему же, — тонко улыбнулся Иван Дмитриевич, — если вам не будет хватать адреналина, то вы вполне можете прогуляться по территории.

— Уж чего-чего, а адреналина тут на роту десантников, — хмыкнула Дашка, — но спасибо за предупреждение, Иван Дмитриевич.

— Я так понимаю, что мы услышали друг друга?

— Несомненно, — ответил за нас всех Самойлов, а мы с Дарьей только что-то согласно промычали, — как только нас позовёт артефакт, мы сразу к вам, Иван Дмитриевич. Кстати, нам же наверняка за такую покладистость положены какие-нибудь бонусы, как вы считаете?

— Не стану спорить, — директор улыбнулся, неожиданно продемонстрировав нам треугольные, как у акулы-людоеда, острые даже на вид зубы. — В награду за послушание я могу пообещать вам быструю смерть. Поверьте, в иных случаях это уже очень много, кому знать, как не мне. И можете не сомневаться: если уж я пообещал, то непременно выполню, в отличие от других.

— Тогда мы, наверное, пойдём? — проговорил Женька, поднимаясь с дивана. — А то у нас новая тема по физике.

— Конечно-конечно, идите, — добродушно кивнул директор, — физика — это очень важно!

— А скажите, Иван Дмитриевич, — я не выдержала и обернулась уже почти на пороге, — а что с ребятами из второй группы?

— Знаешь, Лиза, — помолчав, ответил директор, поднимая крышку ноутбука, — один мудрец когда-то сказал, что вопрос нужно задавать только тогда, когда ты готов услышать любой ответ на него. Ты готова услышать любой ответ, даже тот, который тебе не понравится?

— Нет, — прошептала я, проклиная свой длинный язык и неумение вовремя промолчать.

— Вот видишь, — он быстро набрал какую-то комбинацию, видимо, пароль, — поэтому будем считать, что ты ни о чём не спрашивала, да?

— Да, — кивнула я, — извините, Иван Дмитриевич. До свидания...

— Удачи на физике, — улыбнулся Оленев и словно забыл о нашем присутствии.

Мы переглянулись и молча вышли из кабинета.

Глава 4

— Не знаю, как вы, а я не готова сейчас обсуждать, — вдруг сказала Дашка, — мне нужно, чтобы всё это хоть как-то улеглось в голове. Поэтому предлагаю отправиться на физику, каким бы странным вам это предложение ни показалось.

— А вот соглашусь, — неожиданно поддержал её Женька, — раз уж днём тут всё по-старому, то предлагаю, как раньше, в большую перемену сесть в кафе и спокойно поговорить.

— Не возражаю, — поддержала я друзей, так как тоже чувствовала, что мне необходимо хотя бы минимальный тайм-аут, — не уверена, конечно, что физика как-то поспособствует осмыслению полученной информации, но и не прийти на неё мы не можем. Думаю, единственное, что нам осталось, — это записывать новый материал и делать вид, что всё в полном порядке. Ну а дальше по ситуации...

Придя к общему решению, мы отправились на урок и уже через пару минут стучались в дверь кабинета, где шли занятия.

— Разрешите, Филипп Юрьевич?

Женька первым заглянул в класс, давая нам ещё несколько секунд на то, чтобы нацепить на лица подходящее случаю выражение. И мы с Дашкой были ему за это молчаливое понимание бесконечно благодарны.

— Конечно, Евгений, — откликнулся Батаев, по своему обыкновению присевший на край преподавательского стола, — вы как раз вовремя, ребята. Мы только-только собрались приступить к новой теме. Так что усаживайтесь на свои места и присоединяйтесь.

Я прошла к своему столу, стараясь особо не таращиться на одноклассников, хотя больше всего мне хотелось как раз рассмотреть каждого и убедиться, что вчерашние события нам не приснились.

Однако все выглядели совершенно обычно, буднично, точно так же, как и все предыдущие дни. Марк улыбался, словно его чрезвычайно забавляло всё происходящее и мои попытки рассмотреть изменения в том числе. Стеша задумчиво изучала свой маникюр, словно размышляя, пора его обновлять или и этот пока сойдёт. Люся, высунув от усердия кончик языка, что-то строчила в тетради, иногда посматривая в учебник. Гера как ни в чём не бывало подмигнул Дашке и попытался ущипнуть, за что и получил тут же по спине кулаком. Димон, на которого мне было после вчерашнего даже смотреть страшно, был безмятежен, словно и не он вчера сожрал кого-то в кустах. А вот на месте, где всегда сидела Клео, мы с немалым удивлением увидели хмурую, но спокойную Золотницкую.

— В связи с отъездом второй группы Инесса, — тут девушка недовольно поморщилась, — будет учиться с вами, естественно, по скорректированной программе. Итак, сегодня мы поговорим с вами о формуле Томсона.

Что дальше говорил Филипп, я почти не слушала, так как прекрасно знала: я всё равно не пойму, пусть уж лучше потом мне Женька объяснит на уровне «для дураков». Вместо этого я снова и снова прокручивала в голове разговор с директором, пытаюсь в каждом слове найти скрытый смысл, намёк на что-то, что может оказаться очень важным. При этом мне всё время казалось, что вот-вот, ещё совсем немножко, и я смогу ухватить за хвост постоянно ускользающую мысль.

Звонок выдернул меня из состояния какого-то полутранса, и я невольно вздрогнула, когда Женька осторожно коснулся моего плеча.

— Лизхен, ты в порядке? — встревоженно спросил он и тут же уточнил. — Я имею в виду с учётом обстоятельств.

— Да, просто как-то словно провалилась куда-то, извини.

Мне стало неловко, что я заставила друзей волноваться, но, думаю, они прекрасно всё понимали, и сами находились примерно в таком же состоянии.

— Слушайте, ну вот как у них так получается? — Дашка запрыгнула на стол и теперь сидела, болтая в воздухе ногами. — Все ведут себя так, словно ничего не произошло! Шутят, конспекты пишут, подкалывают друг друга... Димон шуточки отпускает, Степанцову дразнит, словно это не она вчера на него орала там, на дорожке, когда он... ну, вы помните.

— Не знаю, девчонки, — вздохнул Самойлов, — это тяжело воспринимать, но как-то придётся приспособливаться. Может, этот артефакт нас к себе через месяц позовёт или даже больше?

— Сейчас английский, — Дашка спрыгнула со стола, — а потом поговорим спокойно, ладно? Чтобы не на бегу...

Второй урок прошёл так же спокойно и мирно, как и предыдущий, и я поняла наконец-то, какую опасность таит в себе эта как бы нормальная жизнь. Ты вольно или невольно расслабляешься, перестаёшь контролировать каждый свой шаг, начинаешь снова воспринимать окружающих как обычных людей. Бдительность усыпляется, и человек становится более уязвимым, он перестаёт ждать опасности в любой момент.

Всё это я и выложила друзьям, когда мы сидели в кафе во время большой перемены.

— Ты права, Лизхен, — глядя на меня круглыми глазами, сказала Дарья, — ещё день, два, неделя, и мы снова станем общаться с остальными, как раньше, то есть подпустим их близко.

— Погодите, — остановил её Женька, — это днём всё так хорошо, но директор же сказал, что с приходом темноты все ограничения теперь снимаются. Я, конечно, не думаю, что по ночам тут настоящий шабаш происходит, но выходить поостерегусь.

— А может, он просто хотел нас напугать? — не слишком уверенно предположила я. — Ну, чтобы сидели по ночам в комнате и не лазали, где не надо. Следовательно, не могли увидеть или услышать лишнего. Может же такое быть?

— Тоже не исключено, — не стал спорить Самойлов, — предлагаю окончательные выводы делать после того, как переживём хотя бы одну ночь в новом, так сказать, режиме.

— Ты сегодня снова к нам приходи ночевать, — сказала я, — вряд ли они, конечно, к тебе сунутся, но на всякий случай я бы поостереглась. А то мы с Дашкой места себе не найдём.

— Да я, в общем-то, и собирался, — кивнул Женька, — а в дальнейшем посмотрим.

— А ещё... — тут я огляделась и убедилась, что нас никто не может услышать, — я думаю, нам надо поговорить с призраками, ну, с теми, которые Хранители. Наверняка им известно об артефакте больше, чем кому бы то ни было. Попробуем узнать, как он хоть выглядит и как он может нас позвать. Да и вообще... может, хоть что-то посоветуют.

— В прошлый раз они как-то не сильно нам помогли, — нахмурился Женька, — наговорили кучу всего невнятного, а толку — чуть.

— Надо просто продумать, как правильно задавать вопросы, — решительно заявила Дарья, отставляя свою чашку, — или пусть подскажут, может, ещё какие книги есть. Нам ещё, между прочим, кучу претендентов каким-то образом устранить надо. Предлагаю начать с вампиров.

— Почему с них? — искренне заинтересовался Самойлов. — Не, так-то я не против, просто интересно, чем обусловлен выбор.

— Честно?

Подруга смущённо почесала кончик носа и сказала:

— Они хотя бы более или менее известные. Про них и в книгах было, и в кино, пусть нам эта информация и не слишком помогла пока. А вот Лунная кошка и эти, которые аборигены, они непонятные и потому намного более страшные. Хотя Гера и Филипп и кажутся наиболее вменяемыми. Так что я предлагаю начать с упырей.

— Для этого нужно выяснить, кто является помощницей Марка, — судя по словам, Женька принял позицию Дарьи, да и у меня она отторжения не вызывала. Мне было практически всё равно, с кого начинать, но Дашка права: на фоне остальных вампиры — это что-то понятное, почти родное.

— Осталось понять, как это сделать, — Дашка не язвила, а просто обозначала следующую цель.

— Нужно проследить за Марком, — пожал плечами Самойлов, — я других вариантов не вижу. У нас не такой уж широкий круг подозреваемых, так как он не один из нас, второй группы нет, остаются преподаватели, а их, к счастью, не сорок человек. К тому же Марк ведь сказал вчера, что его «служанка» не из учащихся.

— Но не надо сбрасывать со счетов обслуживающий персонал, — охладила я его пыл, — мы о них почему-то постоянно забываем.

— Знаете, — Дарья вздохнула, — мне почему-то кажется, что вампир не станет прятаться под маской дворника или повара. Если верить книгам и фильмам, они существа достаточно высокомерные. Я не специалист, конечно, но мне почему-то кажется, что это если и не преподаватель, то кто-то из сотрудников как минимум среднего звена. Администратор, библиотекарь, врач...

— Стоп!

Женька резко выпрямился, но тут же постарался успокоиться, чтобы не привлекать внимания. Пусть в кафе и было пусто, но мало ли, кто и откуда за нами наблюдает.

— Врач! Марк ведь открывал дверь в медицинский кабинет своим ключом, и мы тогда решили, что Юлия Борисовна просто ему помогает по каким-то причинам. А про то, что она сама может быть вампиром, мы даже не подумали. Так-то всё складывается: врачу и кровь заказать проще, и хранить есть где, и визит всегда объяснить можно. Очень удобно!

— То есть это что получается, — Дашка прижала к губам ладонь, — вампиров может быть несколько?!

— Получается, что так, — пожал плечами Женька, — правда, доктор Каргель у меня как-то не очень хорошо монтируется со словом «служанка», но это призраки её так называли, может, у них к вампирам глубокая личная неприязнь.

— Марк тоже не возражал, когда мы так говорили, — возразила я, — но, с другой стороны, это вообще не принципиально, как мне кажется, кто кого и как называет. Нам нужно наверняка убедиться, что именно Юлия Борисовна является основной сообщницей Марка.

— К счастью, нам не ставили никаких конкретных сроков, в которые мы должны уложиться с устранением претендентов, — проговорил Женька, явно что-то просчитывая, — значит, можно не пороть горячку, а составить план и пытаться действовать в соответствии с ним. Но для начала посмотреть, какая тут теперь обстановка по ночам. А пока изображаем спокойствие и излучаем доброжелательность.

— Так мы вроде ни с кем и не ссорились, — сказала Дарья.

Остаток дня прошёл совершенно так же, как и раньше, в штатном, как говорится, режиме. Но чем ниже к горизонту опускалось солнце, тем тревожнее становилось у меня на душе.

В этот раз мы постарались подготовиться получше: набрали с собой печенья и воды в бутылках, с ужина прихватили немного фруктов. В гостиной я сварила несколько чашек кофе и вылила их в термос, обнаруженный на верхней полке шкафчика.

Уже в сумерках в гостиной послышался шум, и мы выглянули из своих комнат, чтобы увидеть, как двое рабочих под руководством Веры Борисовны укладывают в большие картонные коробки вещи Клео.

— А куда вы их уносите? Вдруг Клео вернётся? — не выдержав, спросила я. — Пусть бы лежали, кому они там мешали-то?

— Вот тебя я забыла спросить, Морозова, — недовольно посмотрела на меня Вера Борисовна, — убираю, значит, так нужно.

— Это для меня, — раздался от входа негромкий голос, и, повернувшись, мы все увидели стоящую в дверях Золотницкую, рядом с которой виднелись такие же коробки и большой чемодан.

— А можно мы часть вещей Клео себе возьмём? Там у неё всякие штуки были для развлечения, — неожиданно защебетала Дашка, — ерунда разная: карты, шар типа магический, доска и прочая чушь. Мы в это не верим, само собой, но развлечься вечерами сгодились бы. Мы сохраним не хуже, чем на складе, честное слово, Вера Борисовна! А когда Клео вернётся, отдадим ей в целости и сохранности.

— Забирайте, — подумав, равнодушно кивнула администратор, — мне вообще всё равно, сами с Ковальской будете разбираться, если что. Есть свидетели, что вы сами попросили и пообещали сохранить в целости.

— Спасибо огромное! — прочувствованно воскликнула Дашка и, сделав мне знак, потащила в сторону моей комнаты коробку, из которой торчал угол доски для спиритических сеансов.

— А ты заселяйся, Золотницкая, — велела Вера Борисовна, — что стоишь, как просватанная?

— Успею, — спокойно ответила Несс, — не буду же я толкаться, правда? Вот вынесут всё из комнаты, тогда и зайду. Неплохо было бы, кстати, уборку сделать, не находите?

— Уберут, — помолчав, кивнула администратор, — здесь подожди.

С этими словами она вышла в коридор, а рабочие, негромко переругиваясь, выволокли два большие коробки с вещами Клео.

Золотницкая между тем спокойно прошла в гостиную и села на диван, сложив на коленях бледные руки.

— Я понимаю, что вы не в восторге, но это не моё решение, — проговорила она, глядя почему-то только на меня, — надеюсь, мы не будем мешать друг другу.

— Конечно, обживайся, — пожала плечиками Стеша, закрывая дверь в свою комнату.

— Добро пожаловать, Инесса! — провозгласила Степанцова, снова натянувшая маску радостной идиотки. — Уверена, что тебе понравится в нашей гостиной!

— Располагайся, Несс, — переглянувшись с Дашкой, сказала я, — если что понадобится, обращайся.

— Темнеет, — негромко проговорила Золотницкая, словно прислушиваясь к чему-то, — мне-то ничего, а вот вам лучше закрыться у себя. И помните: никто из таких, как я или они, не может войти в ваш дом без приглашения.

— Спасибо, — ошарашенно ответила я, — будем иметь в виду.

— Не люблю быть должна, — бросила Золотницкая и, оставив посреди гостиной вещи, вошла в комнату Клео, прикрыв за собой дверь.

Глава 5

— Это сейчас что такое было?

Дашка затащила меня к себе в комнату и теперь, видимо, ждала, что я объясню ей, что только что произошло в общей гостиной. Нет, так бы я с удовольствием, если бы сама до конца понимала.

— Ты меня спрашиваешь?

— Ну а кого ещё-то? Тут кроме нас никого нет, Лизхен, — фыркнула подруга и тут же, задумчиво оглядевшись, проворчала, — надеюсь....

— Даш, не нагнетай, — попросила я, тоже нервно озираясь, — и без этого не по себе. Не знаешь, Самойлов скоро придёт? Уже как-то очень хочется последовать совету Золотницкой и запереть дверь.

— Откуда я знаю? — Дарья удивлённо посмотрела на меня. — Это твой парень, а не мой, тебе лучше знать.

— Женька сейчас наш общий парень, — тихонько хихикнула я и добавила, глядя на вытянувшееся лицо подруги, — ну а что, мы даже ночуем втроём. Так что я не была бы столь категорична.

— Дурында!

Дашка схватила с дивана подушку и с размаху стукнула меня по спине, хотя попасть пыталась явно пониже, но промахнулась.

— Вы чего, девчонки? — спросил заглянувший в комнату Женька. — Дерётесь?

— Тебя делим, — сообщила я ему, уворачиваясь от очередного шлепка подушкой, — видишь, Самойлов, какой ты мачо! Девушки из-за тебя подушками друг друга лупят без всякой пощады.

— Да ладно?! Жаль, телефона нет, я бы заснял, а потом в старости пересматривал бы и, перебирая коробочки с лекарствами, вздыхал бы, мол, вот были времена!

— Для этого до этой самой старости для начала дожить надо, — шлёпаясь на диван и поднимая руки в знак того, что сдаюсь, сказала я.

— А к нам Золотницкую подселили, — сдувая со лба рыжую прядку, сообщила Дашка, — в комнату Клео.

— И Дашка выпросила у Веры Борисовны коробку, в которой осталось всякое оккультное барахло, — добавила я, показывая на задвинутую за диван картонку, — мы, правда, сами пока не знаем, зачем, но вдруг пригодится?

— Ну, то, что Золотницкую к вам поселили, это вполне логично, — забравшись в кресло, сказал Самойлов, — чего она там одна в той гостиной будет делать? А тут все вместе, контролировать, опять же, проще.

— И она нас предупредила, прикинь, — продолжила рассказывать Дарья, — сказала, что уже темнеет, и нам было бы неплохо запереться в своих комнатах.

— И добавила, что она сама и такие, как она, не могу войти к нам без приглашения, — я встала, чтобы проверить, закрыта ли дверь, и заодно взять бутылку воды.

— То есть если мы не пригласим, они так и будут топтаться на пороге? — уточнил Женька.

— Наверное, — я пожала плечами, — она без подробностей говорила. И в конце сказала, что не любит быть должна, то есть это она таким образом отплатила нам за то, что мы вытащили её. Как версия... Может, оно всё и не так обстоит, откуда нам знать. Несс с нами точно откровенничать не станет, она и раньше-то была не слишком общительная, а теперь так вообще.

— Но как она с Верой Борисовной разговаривала! Я за эту сцену готова простить Несс почти всё, даже то, что она превратилась непонятно во что. Или в кого... «Неплохо было бы, кстати, уборку сделать, не находите?» — передразнила Дашка Золотницкую.

— Ого! И что, Вера Борисовна ничего Несс не ответила? — заинтересовался Женька.

— Нет, представляешь?! — Дашка сделала круглые глаза. — Сказала только, что уберут и всё. У меня было впечатление, что она просто не хочет с Золотницкой связываться, а вот почему — это уже другой вопрос, и на него пока нет ответа.

Пока мы болтали, за окном окончательно стемнело и разговор постепенно как-то сам собой угас. Мы все трое молча смотрели в едва разгоняемый фонарями мрак за окнами и прислушивались к каждому шороху.

— Можно свет включить, но тогда окна поплотнее надо будет закрыть, — негромко сказал Самойлов, — а то будем тут, как на сцене, на всеобщем обозрении.

— Давайте пока так посидим, может, чего интересное увидим, — предложила я, не слишком, впрочем, уверенно.

— А ты у себя свет оставила?

— Да, как договаривались, — кивнула я, — включила настольную лампу и шторы задёрнула. Никто же не знает, что мы тут все сидим.

Дашка стянула с дивана подушку и села на ковре, подложив её под спину. Мы с Женькой посмотрели на неё, оценили все преимущества сидения на полу и, прихватив каждый по подушке, переползли к подруге. Так мы и сидели втроём, глядя в огромное панорамное окно, выходящее на террасу.

— Даш, а у тебя эта дверь точно закрыта? — на всякий случай уточнила я, показав на дверь, ведущую на веранду. — А то как-то чем дальше, тем страшнее.

— Я несколько раз проверила, — отозвалась подруга, — потому что мне тоже жутковато, хотя раньше мне казалось, что я вообще ничего не боюсь. А на деле оказалось, что я просто не знала, чего надо по-настоящему бояться.

— Это да, такого расклада никто из нас даже предположить не мог, и вот что я...

Договорить Женька не успел, потому что мы услышали, как в гостиной скрипнула дверь, потом раздались тихие шаги, кто-то вышел в коридор и снова стало оглушающе тихо.

Я раньше часто встречала в книгах и слышала выражение «оглушающая тишина» и никак не могла представить: как это, ведь слова противоречат друг другу по смыслу. Оглушающая — это значит очень громкая, такая, что уши закладывает. Разве тишина может быть такой? Как оказалось — очень даже.

Сейчас как раз такая и была, от которой гудит голова и хочется или спрятаться куда-нибудь в глубокую-глубокую нору, или закричать во весь голос, чтобы наверняка разрушить этот кокон всепоглощающей тишины.

— Кто-то вышел, — озвучил Женька очевидное, но не для того, чтобы сообщить нам новость, а для того, чтобы сказать хоть что-то и заставить давящее безмолвие исчезнуть хотя бы на время.

— Судя по шагам, это Люся, — с облегчением присоединилась к обсуждению Дашка, — да и дверь вроде её скрипнула.

— Знаете, девчонки, мне вот сейчас как никогда раньше хочется отмотать всё обратно, — признался Женька, — даже не тогда, когда мы Золотницкую из тумана тащили, и не когда с вампиром разговоры разговаривали, а именно сейчас. Потому что наступил тот момент, когда я могу сказать: я не знаю, справимся ли мы. Понятно, что соберёмся, отыщем где-нибудь мужество, рискнём... но это не сейчас, чуть-чуть позже. А в данный момент мне страшно и я ничуть не стыжусь в этом признаться. Всегда больше всего боялся неизвестности...

— Нам всем страшно, Жень, — я взяла его за руку, а Дашка обняла за плечи, — но ты сильный, мы в тебя верим. Ты и сам спасёшься, и нас за шкуру из беды вытащишь. По-другому просто не может быть, понимаешь?

— Сеанс психоанализа на минималках, — фыркнула Дашка, и ей слова словно пробили какую-то брешь в тягостной атмосфере, за что лично я была ей бесконечно благодарна.

Наверное, мы ещё долго обсуждали бы наши персональные и общие страхи, но в гостиную кто-то вошёл и через несколько секунд раздался вежливый стук в дверь. Мы переглянулись, и Дашка шепнула:

— К тебе стучат, к бабке не ходи!

Стук повторился, а потом мы услышали голос Марка.

— Лизхен, открой, это я, дело есть! Я же вижу, что ты у себя. Да не бойся ты, всё нормально будет, мне действительно просто поговорить.

Естественно, Марку никто не открыл, так как я сидела на полу в другой комнате, судорожно соображая, что делать.

— Не будь душой, Лизхен, открой, — голос Марка стал более резким, в нём появились приказные интонации, — сама ведь потом жалеть будешь, что не захотела меня выслушать!

— А вдруг он действительно хочет что-то важное сказать? — вдруг прошептала Дашка, с испугом глядя на нас. — Нас же вроде трогать нельзя...

— Предлагаешь ему открыть, что ли? — изумилась я. — Если ему есть, что сказать, почему он не сделал этого раньше, днём, когда светло было?

— Ой, я про это не подумала, — Дашка прижала к губам ладонь. — Но мне кажется, вот так просто прятаться тоже неправильно.

Пока мы спорили, к голосу Марка добавился ещё один, женский. Я жестом остановила друзей и, подкравшись на цыпочках к двери, прислушалась.

— Чего шумишь, Циммер? Понятно же, что там никого нет, или у тебя с мозгами к ночи становится напряжённо?

На какое-то время стало тихо, а потом снова раздался голос Марка, и я отчётливо различила интонации недоумения.

— Вяземская? А ты чего такая смелая? Или не смелая, а глупая?

— Насчёт глупости ты погорячился, Марк, — насмешливо ответила Стеша, — очень непредусмотрительно наезжать на того, о ком ты мало знаешь. Мне всегда казалось, что ты более осторожный и продуманный.

— Думаешь, твой покровитель тебя защитит? Ну-ну... Он сидит безвылазно в своей берлоге и носа наружу не показывает, — не успокаивался Марк, то ли провоцируя Стешу, то ли просто развлекаясь.

— Не тебе судить, кровосос, — презрения в голосе Стеши хватило бы на десять вампиров, — победит всё равно тот, кто сильнее. И это будешь не ты.

Сказав это, она захлопнула дверь в свою комнату, а Марк негромко выругался.

Перекрестившись и поправив на пальце невидимое кольцо, я обернулась к друзьям и строго сказала:

— Как бы вам ни хотелось его пригласить, не делайте этого. Хоть ремнями себя к креслам привяжите, понятно?

— Давай ты лучше нас в ванной закроешь, — предложила Дашка и добавила, криво улыбаясь, — я к Самойлову приставать не буду, не думай. Ситуация вообще не та, сама понимаешь.

— Может, Дашка и права, — подумав, ответил Женька, — запри-ка ты нас, если что, мы можем и не справиться.

— Ладно, — подумав, согласилась я, — и воду тогда включите, чтобы не слышать его. Только не очень громко, а то он догадается.

— Он и так, скорее всего, сообразит, — невесело улыбнулся Женька, беря под мышку две диванные подушки, — но попробуем. Если что, не геройствуй, ладно? Придумаем что-нибудь.

Закрыв за друзьями дверь и на всякий случай несколько раз подёргав ручку, я выдохнула и решительно, не давая себе времени передумать, распахнула дверь комнаты.

В гостиной горел дежурный свет, поэтому было не слишком темно, и это слегка успокаивало, хотя напасть Марк мог бы и при свете, если что.

— Лизхен?

Он удивлённо посмотрел на меня, перевёл взгляд на номер моей комнаты, потом опять на меня и уточнил:

— Ты переехала, что ли?

— Нет, просто к подруге зашла поболтать. А ты чего хотел-то?

— Поговорить, — Марк сделал несколько шагов в мою сторону, но я не отступила, по-прежнему стоя в дверях, — может, лучше это сделать в комнате, как ты думаешь?

— Не уверена, — спокойно ответила я, хотя сердце колотилось где-то в горле, — не думаю, что здесь нас кто-нибудь подслушает.

— Да ну, брось, Лизхен, ты же всё прекрасно понимаешь, тут единомышленников нет, — улыбнулся Марк, и в неярком свете сверкнули клыки. — Нравлюсь?

— Слушай, а они тебе не мешают? — зачем-то спросила я. — Или они у тебя выдвигаются и убираются в зависимости от ситуации?

— Можно я всё же войду? — чуть более настойчиво проговорил Марк, проигнорировав мой вопрос.

— Неа, — я облокотилась о косяк и с интересом наблюдала за ним. Страх или куда-то исчез, или просто стал настолько сильным, что перестал ощущаться. Я склонна думать, что имел место как раз второй вариант.

— Ты одна? Это же вроде Котлаковой комната, разве нет?

Марк быстро, но внимательно оглядел комнату, задержав взгляд на двери в ванную.

— А она с Самойловым в ванной, — невозмутимо сообщила я, — они там кран чинят.

— В темноте? — иронично выгнул бровь вампир. — Интересный подход, не поспоришь. Лизхен,пусти меня...

Я почувствовала, как слегка туманится сознание, но бесценный подарок Повелителя снова спас меня. Кольцо обожгло палец, и дурман мгновенно рассеялся.

— Опять?! Я ведь тебя предупреждала, Марк! Я же сказала тебе вчера: только попробуй ещё раз попытаться что-нибудь мне внушить, и можешь навсегда забыть о сотрудничестве! Ты что, думал, я пошутила?!

— Ты защищена, — прошипел Марк, уже даже не стараясь выглядеть милым и доброжелательным, — поэтому ты велела двум другим спрятаться в ванной. Кто дал тебе защиту?!

— Не твоё дело, — рявкнула я, — имей в виду, в очереди на соглашение с нами ты только что отодвинул вашу вампирскую компанию на последнее место.

— Ничего, — оскалился Марк, — и последнее место может оказаться первым. Это смотря откуда начинать считать. Не пожалей, Лизхен, о том, что так опрометчиво отказалась от моей помощи и дружбы.

— Не пожалей, — твёрдо сказала я, — ты прекрасно понимаешь, Марк, в этой игре каждый сам за себя. Пока ты только давить пытаешься, обманывать, так что я не вижу смысла в развитии сотрудничества.

— А если бы увидела?

— Тогда и разговор был бы иным. Но условие не пытаться ментально воздействовать остаётся в силе всегда, даже если тебе будет что нам предложить.

— Я тебя услышал, — помолчав, кивнул Марк, — и в качестве жеста доброй воли скажу: мне был знак... Всё решится до Чёрного полнолуния.

— Какого полнолуния?

— Чёрного полнолуния, — повторил Марк, — считай эту информацию извинением за попытку поникнуть в твоё сознание.

Сказав это, он подмигнул мне и ушёл, бесшумно прикрыв за собой дверь.

Глава 6

Проводив Марка взглядом и убедившись, что пока больше никто не жаждет осчастливить нас каким-нибудь ещё пророчеством, я закрыла дверь, не забыв несколько раз её подёргать, чтобы убедиться.

Постояла посреди комнаты, стараясь привести разбегающиеся мысли хотя бы в относительный порядок, и открыла дверь в ванную.

Оттуда тотчас же вывалились Женька с Дашкой и уставились на меня в ожидании эксклюзивной информации.

— Мы ничего не слышали, потому что воду включили, — сказала Дарья, снова садясь на пол возле дивана и подпихивая под спину подушку, — рассказывай давай, интересно же.

— Но попытки надавить ощущали, — добавил Женька, устраиваясь рядом и похлопывая ладонью по ковру, мол, садись, чего стоять-то. — Наверное, если бы не дверь, закрытая снаружи, мы могли бы и не удержаться.

— А ещё я где-то читала или слышала, что бегущая вода — это естественная преграда на пути злых сил, — Дашка поёрзала, устраиваясь поудобнее.

— Ну, мне кажется, имеется в виду не та вода, которая из крана бежит, — я с сомнением посмотрела на подругу, — хотя кто его знает. В общем, если честно, я так до конца и не поняла, зачем он приходил. В комнату я его, естественно, не пустила, ещё и наехала, напомнив, что мы уже говорили вчера о недопустимости подобных вещей. Он сделал вид, что ему стыдно, я сделала вид, что в это поверила. Но на самом деле сказал он только одну вещь, которую я, правда, не очень поняла.

— Какую?

— Марк сказал, что ему было видение, и что всё закончится до некого Чёрного полнолуния.

Друзья переглянулись, а потом снова уставились на меня.

— Чего вы смотрите? Я знаю ровно столько же, сколько и вы. Марк же объяснять ничего не пожелал, типа если надо, то сами разберётесь. Такая месть за то, что его не пустили в комнату.

— Зато мы теперь знаем, на кого работает Стеша, — бодро заявила Дарья, — в принципе, можно было и раньше догадаться, конечно, но уж как есть.

— Интересно, она такая же жуткая образина с крыльями, как наследник Повелителя? — негромко спросил Самойлов.

— А тебе только бы девушка симпатичная была, да? — подколола Женьку Дарья. — Остальное вторично?

— Только не бейте, — засмеялся друг, шутливо прикрывая голову руками, — вы самые лучшие, никаких других мне не надо, честное слово!

— Смотри у меня!

Дашка строго погрозила ему пальцем и, не выдержав, тоже улыбнулась.

— Я вот чего не понимаю, — снова став серьёзным, проговорил Женька, — зачем Марк хотел обязательно войти в комнату? Трилистник неприкосновенен, это нам все подтвердили, значит, причинить нам вред он не может. Тогда какой смысл так настойчиво добиваться, чтобы его пропустили? Просто поговорить? Чего-то не верится...

— Может, нас только убивать нельзя? — предположила я. — У меня, кстати, тоже этот вопрос возник. Может быть, Марк планировал нас не убить, а... покусать?

— Думаешь, покусанный вампирами Трилистник сохранит свои способности на алтаре? — с сомнением возразила Дарья. — Это же тогда будем уже не совсем мы, если принять эту версию.

— Интересно, а им каждый раз требуется разрешение, или достаточно однажды войти, и дальше заходи, сколько хочешь?

— Не знаю, я вот пытаюсь вспомнить и не могу, — я нахмурилась, — вроде бы в мою комнату кроме Несс никто не заходил, а её я сама пригласила, я очень хорошо помню, что предложила ей зайти. А вот Степанцова, даже когда ругалась с нами тогда и угрожала, помните, она ведь порога не пересекала, я вот сейчас вспомнила. А, ещё Стеша у меня была в самом начале, но её я тоже сама позвала, в самый первый день. Ну, Клео заходила, но её я не считаю, а так больше никого и не было.

— А ведь и правда, — Женька задумчиво потёр подбородок, — я тоже заметил, что общаться все предпочитали в общей гостиной, в комнаты друг к другу очень редко заходили.

— Вот, кстати, наверное, был бы хороший способ определения, кто является обычным человеком, а кто — нет, — высказала предположение Дашка, — вот представьте, что ты, Лизхен, к примеру, позвала Викторию типа что-то показать, а она раз — и не может войти без приглашения. Значит, она из этих, тех, которые не с нашей стороны забора.

— Какого забора, Даш?

— Ну это я так, фигурально, — отмахнулась подруга, — жалко только, что всех так не проверить, да?

— Идея классная, но я плохо представляю, под каким предлогом мы можем пригласить сюда или ко мне кого-нибудь из поваров или дворников, — хихикнул Женька, — но мысль интересная, над ней можно будет подумать на досуге. А сейчас меня гораздо сильнее волнует, что это за Чёрное полнолуние такое и когда его ждать.

— Марк ничего не скажет чисто из вредности, — сказала я, — ну или потребует за сведения серьёзных предпочтений. Я не знаю, как остальные, а вампиры, насколько я понимаю, бесплатно даже «ква» не скажут. Лично мне не хотелось бы быть им должной, тут я солидарна с Золотницей.

— Давайте думать, где мы можем найти информацию, — Женька поправил подушку, на которую опирался, — вот ведь засада, и не загуглишь даже. Просить доступ в интернет сейчас — это то же самое, что выйти с транспарантом: мы ищем важную информацию.

Какое-то время мы молчали, а потом я вздохнула:

— Я же говорила, придётся с призраками общаться, никуда не денешься. Только вот как и когда пробраться к нужному месту — это большой вопрос. Днём не хотелось бы, за нами наверняка наблюдают, а ночью — ну вот стрёмно, правда... Они нам все на вольном выпасе, жрут по кустам тех, кто вовремя не сбежал, на луну воют, по крышам скачут... да ну на фиг. Какие будут предложения?

Повисла пауза, прерываемая только отдалёнными криками, в которые мы старались не вслушиваться, потому что это было просто жутко. А так не вникаешь — вроде бы и ничего, не так страшно, хотя всё равно не по себе.

— Предлагаю попробовать завтра днём после уроков, раз уж мы все тут старательно изображаем нормальную жизнь, — нарушил молчание Самойлов, — согласен, что ночью — это уж от безысходности, если поймём, что днём никак не получается. Узнать, что это за Чёрное полнолуние и когда оно наступит — пожалуй, сейчас самое главное.

— Хорошо бы ещё в библиотеку пробраться, — сказала я, — может, я снова что-нибудь почувствовала бы. Только у нас ключа нет...

— У кого нет, а у кого и есть! — с демонстративной небрежностью заявил Женька и пояснил в ответ на наши удивлённые взгляды. — Я давно его к рукам прибрал. Сначала на место вернул, а потом снова взял, никто так и не заметил, между прочим. Сами знаете — библиотека у нас не самое посещаемое место.

С этим сложно было не согласиться, так как после исчезновения Цейс туда народ навещал разве что за справочниками и учебными пособиями. Ну ещё Кирилл, пожалуй, загля-

дывал, но теперь я даже не возьмусь утверждать, с какой целью: книжку взять или ещё что. Кто их, этих Повелителей, разберёт, чего и от кого им надо.

— А чего молчал?! — накинута на Самойлова Дашка.

— Потому что он пока нам не нужен был, — Женька спокойно пожал плечами, — он у меня в потайном кармане сумки спрятан. Так что если с призраками не получится, то будем прорабатывать вариант с библиотекой.

— Ой, смотрите...

Дашка с силой сжала мою ладонь, а Женька прижал к себе, потому как за окном происходило что-то совершенно непонятное.

Какое-то крупное существо вынырнуло из тумана, который ночью был виден как-то чётче и яснее и словно приближался к зданию усадьбы, и осторожно стало пробираться куда-то в сторону спортивного флигеля, припадая на передние лапы и то и дело недовольно взрыкивая. Я хотела было спросить, кто это, но голос почему-то не повиновался, и я могла лишь смотреть на жуткое существо, не опознать в котором хищника мог бы только слепой. Всё: повадки, рычание, сверкающие золотом глаза — всё недвусмысленно указывала она то, что с таким зверем лучше не встречаться даже днём, не то что ночью. Сожрёт и не заметит...

Судя по тому что друзья молчали, у них тоже сил хватало только на то, чтобы смотреть и стараться ничем не выдать своего присутствия. Понятно, что в доме, под защитой толстых стен и почти наверняка какой-нибудь магии нам ничего не угрожает, как бы дико это ни звучало с учётом ситуации. Но мне резко захотелось стать маленькой, незаметной и, главное, невкусной, чтобы чудище уж наверняка не обратило на меня никакого внимания.

Неожиданно оно замедлило своё движение, словно прислушиваясь или принюхиваясь к чему-то, и медленно двинулось в нашу сторону. Я с трудом подавила желание взвизгнуть и на всякий случай запереться в ванной, уже доказавшей свою полезность в качестве убежища.

Вдруг перед хищным обитателем тумана возникла прыгнувшая откуда-то сверху фигура, уже достаточно хорошо нам знакомая: плотная серая чешуйчатая шкура, как у рептилии, явно очень острые когти на длинных пальцах, лысая уродливая голова, на которой двумя яркими жёлтыми пятнами сверкали жёлтые глаза с вертикальными зрачками, длинный сильный хвост с шипом на конце. Не знаю, как я смогла разглядеть всё это в полумраке, но мне почему-то отчётливо была видна каждая деталь.

Жрица Лунной кошки — назвать её сейчас Люсей Степанцовой у меня язык не повернулся бы — что-то прошипела, и в её голосе были только злость и раздражение. Ну правильно: сидела она себе спокойно на крыше, медитировала, молилась своей Лунной кошке или что там жрицам положено делать, а тут не пойми кто по территории шастает, сопит, сосредоточиться мешает. Ещё небось и на еду претендует, которой и так мало, учитывая количество желающих.

Туманная тварь, однако, не испугалась и прорычала в ответ что-то явно угрожающее, мол, тут каждый сам за себя: кто сильнее, того и еда. Логично, чего уж...

— Она его убьёт? — еле слышно прошептала Дашка.

— Может, он её? Хотя я не рассчитывал бы, — вздохнул Самойлов, — а жаль, одним претендентом было бы меньше. Эти, которые из тумана лезут, они же вроде артефактом не интересуются? Их задача — защищать границы от посторонних, если я правильно понимаю.

Пока мы шептались, парочка за окном перешла от взаимных оскорблений к действиям, уследить за которыми было очень сложно: настолько стремительно они двигались. Мы видели только два размытых силуэта и слышали рычание и визг.

— А я за Люсю болею, — неожиданно призналась Дашка, — она хоть своя, а он пришлый... и вообще какой-то несимпатичный.

— А Степанцова прям красавица! — фыркнул Женька. — Даш, Люся — монстр, и будь её воля, сожрала бы нас и не поморщилась.

— Понимаю, — вздохнула подруга, — но всё равно... она мне как-то ближе, чем этот незнакомый.

— Дурдом на выезде, — тяжело вздохнул Самойлов и погладил Дашку по рыжей макушке, — ничего, и тебя вылечат...

Между тем битва во дворе собрала зрителей: неподалёку мы увидели Марка, который с искренним интересом наблюдал за дракой, дальше можно было рассмотреть ещё несколько фигур, но кто конкретно выполз на шум, я разобрать не смогла. Наблюдал ли Димон за тем, как сражается его хозяйка, я не знала, так как если он и смотрел, то с какого-то места, которое было вне нашего поля зрения.

Наконец монстрам надоело развлекать публику, и они решили, что хорошенького понемножку. Раздался резкий визг, от которого мурашки побежали по коже, и невнятный клубок тел распался.

Жрица Лунной кошки поднялась на ноги, чуть пошатываясь, и пинком отшвырнула тело туманного монстра в сторону. Она и так-то была не красавица, а сейчас, залитая своей и чужой чёрной кровью, выглядела просто устрашающе. Зрители, поняв, что представление закончилось, начали расходиться, во всяком случае, Марк, отвесив Степанцовой шутовской поклон, удалился куда-то в сторону преподавательского флигеля.

— Наши выиграла, — довольно заявила Дашка, — пусть это даже и Степанцова. О, смотрите, она его куда-то тащит...

Действительно, жрица Лунной кошки, взяв непрошеного гостя за заднюю ногу, с некоторым усилием поволокла его в сторону тумана, в котором скрывались растущие вдоль забора кусты. Надо сказать, я была ей искренне благодарна за то, что она решила не жрать свою добычу вот прямо тут, у нас на глазах. Боюсь, этого моя и без того ослабленная психика могла бы уже не выдержать.

Вскоре она скрылась в темноте, и через некоторое время оттуда донеслись далёкие звуки, свидетельствующие о том, что там пируют монстры.

— Какое счастье, что мы этого не видим, — сказал Женька, — хватит того, что у меня достаточно буйное воображение. Нет, девчонки, ночью точно выходить никуда не надо! Давайте попробуем всё же пробраться к лазу днём, может, получится? В крайнем случае, мы с тобой, Даш, попробуем как-нибудь наблюдателей отвлечь, пока Лизхен будет к призракам пробираться.

— Попробуем, — кивнула Дашка и протяжно зевнула. — Вы как хотите, а я спать. С учётом всего происходящего пренебрегать возможностью поспать лишние пару часов нельзя.

Мы и не подумали с ней спорить, и вскоре действительно уже спали, невзирая ни на каких монстров.

Глава 7

Когда я утром выглянула на улицу, практически ничто не напоминало о произошедшей ночью драке: разве что кое-где на пожелтевшей осенней траве виднелись непонятные чёрные пятна, словно кто-то расплескал не то мазут, не то что-то в этом роде.

Мы, как ни странно, даже умудрились более или менее выспаться, так что чувствовала я себя вполне прилично. Не могу сказать, что была готова к подвигам, но закопаться в одеяло и не отсвечивать тоже не тянуло. В общем, с учётом ситуации самочувствие было вполне себе нормальным.

В гостиной мы столкнулись с Люсей, которая как раз откуда-то возвращалась, видимо, с завтрака.

— Доброе утро, девочки! — жизнерадостно поздоровалась она и прищурилась, увидев выходящего из комнаты Женьку. — О, Самойлов, ты у нас теперь окончательно поселился? Однако вы проказники!

И она погрозила нам пальчиком, а Женька только ухмыльнулся.

— Люся, завидуешь молча, ладно? Я же не спрашиваю тебя, зачем тебе было ходить на завтрак после такого плотного ужина. Поздновато, конечно, но, говорят, белки можно даже на ночь, а иногда и вовсе ночью.

— Вкусный был? — мило улыбнувшись, присоединилась к нему Дашка.

— Неплохой, — неожиданно усмехнувшись, ответила Степанцова, — слегка костлявый, конечно, но это не проблема вообще. Но дело же не в мясе... Хотя с кем я разговариваю! Вам не понять никогда...

— А ты попробуй, — неожиданно для самой себя предложила я, — нам всё-таки бок о бок непонятно сколько ещё существовать. Почему бы не попытаться слышать друг друга?

Люся какое-то время молча смотрела на меня, и было очень странно понимать, что под этой маской девочки-отличницы скрывается страшное, совершенно чуждое существо.

— Это охота, — внезапно, когда я уже и не ждала, ответила она, — вам, людям, точнее, большинству из вас, никогда не понять, что такое настоящий азарт охотника, когда только от твоей силы и опыта зависит, увидишь ты завтрашний рассвет или это удовольствие достанется твоему противнику. Когда встречаешь соперника, равного тебе по силе и мощи, или хотя бы близкого по уровню. Не много удовольствия загнать слабую добычу, это не делает чести охотнику.

— А вчерашний... он был хорошим соперником?

В голосе Женьки уже не было иронии и насмешки, ему, судя по всему, действительно было интересно, и Степанцова это почувствовала.

— Неплохим, — кивнула она, тряхнув косичками, и меня снова оглушило чувство нереальности, несоответствия, — молодой был, правда, глупый... Но сильный.

— Люся, а скажи, — Самойлов бросил на меня быстрый взгляд, — ты никогда ничего не слышала про Чёрное полнолуние?

Степанцова нахмурилась и покачала головой. Мне даже показалось, что она искренне огорчена тем, что не может нам подсказать. Ведь если бы она нам помогла, то это существенно повысило бы градус нашей лояльности.

— Нет, даже упоминаний не встречала, — она пожала плечами, — мне кажется, это вам у местных надо спрашивать. Вон, пусть Котлакова у своего поклонника узнает, он-то точно должен знать.

— Спасибо за совет, — совершенно серьёзно проговорил Женька, — а теперь мы, пожалуй, действительно пойдём на завтрак, а то у нас же ужин был намного раньше, чем у тебя.

— В следующий раз могу пригласить и даже кусочек окорочка оставить, — хохотнула Люся и ушла в свою комнату.

— Она изменилась, — задумчиво проговорила Дарья, глядя вслед Степанцовой, — не находите?

— Может, потому что прятаться больше не надо? — предположила я, так как тоже заметила, что поведение Люси стало более свободным, хотя она и пряталась днём под маской дурочки Степанцовой. Наверное то, что хотя бы ночью жрица загадочной Лунной кошки могла быть собой, существенно облегчало ей существование.

— Может, — не слишком уверенно согласился Женька, и мы отправились в столовую.

Дальше день покатился по привычным рельсам, и я снова подумала о том, что ещё неделя-другая, и мы привыкнем и к такой жизни, когда днём всё по-старому, а ночью — лайтовый вариант «парка юрского периода».

После уроков мы переоделись и направились в сторону спортивного флигеля, за которым, собственно, и располагался ход за территорию «Серебряного». Спортивная форма должна была показать всем заинтересованным лицам, что мы всего-навсего собираемся наведаться в тренажёрный зал. Как говорится, в здоровом теле — здоровый дух.

— Потренироваться решили?

Марк появился откуда-то совершенно внезапно, и я подумала: неужели он и днём может возникать из туманного облачка, как тогда ночью, когда мы в кустах подслушивали его разговор со Степанцовой? Это было бы не очень хорошо, так как спрятаться от такого невидимого наблюдателя практически невозможно.

— Хочешь с нами? — невозмутимо поинтересовалась Дашка. — Ты мне, кстати, в своё время опрометчиво предлагал спарринг, забыл уже? Или испугался?

— Надо же, — удивлённо прищурился Марк, — я думал, ты давно забыла уже.

— Да ну, ребят, вы что, — моментально вступила я в разговор, — это же не эстетично! Дашунь, боксирующая девушка — в этом есть что-то глубоко неправильное!

— Слушай, Лизхен, не хочешь — не смотри, — тут же сообразительно подыграл нам Самойлов, — а я бы вот с удовольствием полюбовался, как Дашка отправит в нокаут нашего Мистера Вселенная. Если он, конечно, не съедет с темы...

— Я?! — возмутился Марк, а Дарья незаметно мне подмигнула. — Да я же вашу Котлакову уделаю в три секунды.

— Если будешь свои особые, — тут Дашка сделала многозначительную паузу, — возможности использовать, то конечно, против вампира я не выстою, да и никто не выстоит. Но это, как мне кажется, неспортивно.

— Я не стану использовать резервные силы, — согласился Марк, — но это никак не повлияет на результат. Знаю я эти девчоночьи занятия: лишь бы попрыгать вокруг мешка да руками красиво помахать.

— Может, тогда сейчас и проверим, кто чего стоит? — хитро прищурилась подруга.

— А давай, — Марк тряхнул светлой чёлкой, — только шлем и перчатки принесу, ладно?

— Жду, — Дашка послала ему воздушный поцелуй и уселась на скамейку.

Дождавшись, пока Марк скроется за поворотом, она быстро повернулась ко мне и торопливо заговорила.

— Зуб даю, он с собой всех притащит, вампиры, насколько я поняла, страшно честолобивые, так что он не упустит возможности похвастаться. Я, конечно, не выиграю, но погонять его как следует смогу, у меня тренер был, наверное, лучший из всех. Какое-то время я продержусь, ты как раз успеешь добежать до лаза и пролезть в него. Ты молодец, что с ходу уловила мою мысль, Лизхен, а то я не знала, как намекнуть, что вот он — наш шанс.

— Молодцы, девчонки, — похвалил нас Самойлов, — я вот так быстро сориентироваться не смог бы. Даш, это точно безопасно для тебя?

— Абсолютно, — кивнула подруга, — я же в десантное училище поступать собиралась. Представляешь, как я готовилась?!

— Нет, — засмеялся Женька. — не представляю и не хочу, чтобы не заработать комплекс неполноценности. Лизхен, тогда твоя задача — забраться в лаз, а дальше по ситуации. Там именно тебя почему-то принимают наиболее гостеприимно, если можно так сказать. Блин, чувствую себя бесполезным... Одна отвлекает на себя наблюдателей, вторая к призракам лезет, а я ничем даже помочь не могу!

— Только я тебя умоляю, — поморщилась Дарья, — вот давай обойдёмся без никому не нужной рефлексии, ладно? Мы все делаем то, что можем в данный момент.

— Уговорила, не буду, — Женька улыбнулся, но глаза у него были тревожные, — о, а вот и наш Тайсон пожаловал. И, как ты, Даш, и предполагала, не один.

Действительно, рядом с Марком шагали Гера, Димон, Филипп, а чуть за ними на удивление мирно о чём-то беседовали Люся и Стеша.

— С богом, — шепнула я подруге и сжала её холодную ладошку.

— Ну что, не передумала? — сверкнул улыбкой Марк. — Я принёс всё, правда, только для себя, у тебя же, наверное, свои приблуды?

— Естественно, — пожала плечами Дашка, — сейчас вон Самойлов принесёт, да, Жень? Побудь ассистентом, пожалуйста, раз уж Лизхен у нас такая трепетная натура. Перчатки у меня здесь в шкафчике, бинты тоже. Так что только капу возьми в тумбочке и шлем, ладно?

— Как скажешь, — кивнул Женька, взял у неё ключ-карту от комнаты и быстро пошёл в сторону главного корпуса.

Вернулся он буквально через пять минут, потому что, судя по всему, почти весь путь проделал бегом. Протянул Дарье пакет и оглянулся на меня.

— Точно не пойдёшь?

— Точно, — я даже руками замахала, — не моё это совершенно! Я лучше пробежусь, пока погода хорошая, пользы совершенно точно больше будет.

— Зря, Лизхен, — засмеялся Марк, — потом будешь жалеть, что пропустила час моего триумфа!

— Вот это я точно переживу, — фыркнула я и, быстро обняв Дашку, неспешно побежала по дорожке, огибая флигель. На повороте оглянулась: на меня уже никто не обращал внимания, все толпой направились в зал, предвкушая необычное развлечение. Ну а что? Монстрам, им тоже не чужд азарт и желание вдоволь покричать, поддерживая «своего» бойца. Интересно, кроме Самойлова, кто-нибудь будет болеть за Дашку? Впрочем, потом узнаю, а сейчас надо сосредоточиться на другом, иначе получится, что всё зря и Дашка напрасно сейчас рискует своим здоровьем.

Завернув за угол и убедившись, что за мной никто вроде бы не следит, я сошла с дорожки и, скользя по влажной траве, поспешила в сторону кустов. Листья с них уже частично облетели, но они по-прежнему были достаточно густыми, и сквозь них ничего не было видно.

Не заботясь о чистоте брюк, я шлёпнулась на колени и шустро поползла вдоль кустов, молясь только об одном: чтобы меня сейчас никто не увидел и не заинтересовался, чем это я тут таким интересным занимаюсь. Но мне повезло, и до прохода, который внезапно обнаружился в зарослях, я добралась быстро и незаметно. Мне, правда, казалось, что он должен был находиться немного дальше, но привередничать я не стала. Глубоко вздохнув, я нырнула в густое переплетение ветвей, стараясь не думать о том, что обратно, если не повезёт, могу и не выбраться. Вся надежда на мой статус Трилистника и на то, что пока во мне есть необходимость.

На этот раз коридор, по которому я ползла, был похож на тот, который тут был, когда мы вытаскивали Золотницкую. Подняться в полный рост мне удалось только тогда, когда кусты

закончились, и я оказалась на уже знакомой равнине, заросшей серой, словно пыльной, травой со скромными сиреневыми цветочками.

Всё вокруг тонуло в густом тумане, который казался живым: он двигался произвольно, не подчиняясь никаким законам, так как ветра тут не было, а туманные пласты двигались то вправо, то влево, по вообще по спирали. Видимость была, прямо скажем, так себе, шагов на десять.

Я огляделась и поняла, что совершенно не понимаю, куда идти. Отдаляться от тёмной стены кустов было откровенно страшно. Я была абсолютно уверена, что если сейчас потеряю их из вида, то заблужусь быстрее, чем пойму, как это произошло.

Естественно, о том, чтобы взять верёвку, как в прошлый раз, никто из нас не подумал, хотя нельзя сказать, что решение искать проход в туман было спонтанным. В отличие от боксёрского поединка, этот момент мы обсуждали ещё вчера. Похлопав себя по карманам, я поняла, что у меня нет ничего, что можно было бы использовать в качестве верёвки. Снимать куртку и тем более брюки, чтобы порвать их на ленточки, из которых сплести верёвку, я не собиралась. Мало того, что в тумане, так ещё и полуголая? Нет уж, спасибо большое, на такой экстрим я не подписывалась. К тому же я не уверена, что смогу вот так вот просто голыми руками разорвать прочную ткань. Не зубами же её грызть!

Но если я не могу пойти искать призраков, то, может быть, можно их как-то подманить сюда? В первый же раз они сами меня нашли, я ничего для этого не делала. Осталось понять — как именно это проверить.

Решение напрашивалось одно-единственное, но оно мне категорически не нравилось. Призраки-то наверняка почувствуют мою кровь, она для них будет как мощный маяк. Но вот что делать с теми, кто тут, в тумане, обитает помимо призраков? А что если на запах крови явится кто-нибудь типа вчерашнего, того, который стал ужином для Степанцовой? Я не Люся, я с ним совершенно точно не справлюсь!

От отчаяния хотелось заплакать или побиться головой об землю. Я бы так и сделала, если бы от этого был хоть какой-то практический толк. На мгновение я представила себе картинку, как я старательно стучусь лбом в заросшую травой землю, и нервно хихикнула. Потом встала, ещё раз огляделась в тщетной надежде, что призраки меня и так почувствовали, вздохнула и отломала кусок ветки с длинным острым шипом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.